

Улицы Ханбалика были освещены ярким светом. Казалось, что в татарской столице не было комендантского часа, так как улицы до сих пор кишат активностью, когда мужчины и женщины гуляют в традиционной одежде. Чайные домики и бары оставались открытыми для бизнесменов - из открытых дверей и окон можно было видеть меценатов, звенящих друг с другом, полных вина.

Когда ханская колонна подошла к городским воротам, охранники, стоявшие на страже, сразу же поклонились. Толпа мирных жителей на улице также расступилась и поклонилась, страстно приветствуя хана на татарском языке.

Глядя на оживленную толпу из своей телеги, Цинь Инин и Лу Хэн не могли не взглянуть друг на друга.

Вернувшись в Грейт Чжоу, Ли Цициань никогда бы не стал устраивать таких публичных выступлений перед своим народом. Такие шумные собрания оставили бы его открытым для убийства.

Очевидно, что Анари пользовался большим уважением у широких масс населения и часто общался с ними в обычное время - их честный энтузиазм согревал даже сердца таких посторонних, как заложники.

"Ты думаешь о том же, о чем и я?" Лу Хэн пробормотал в ухо Цинь Инина.

Цинь Инь знал, что он собирался сказать. Она кивнула. "Тем, кто обладает истинным мастерством, нечего бояться, я полагаю."

Анари была грозной силой, с которой следовало считаться самому, но татарский военный бог, Сицинь, также оставался рядом в защите. Ее телохранители были еще более усердны в обеспечении ее безопасности. Было бы странно, если бы кто-то, как и она, с удовольствием выпендривался, чтобы спрятаться.

Конвой взял курс на великолепную историческую красоту татарского царского дворца. Но как только они повернули за угол, из толпы выбежали два подростка, одетые в лохмотья, и опустили на колени перед свитой.

Анари поднял руку, чтобы остановить их. Окружающая толпа посмотрела в их сторону, не менее любопытно.

"Что теперь?" Анари чихнул. "Я отпустил тебя в прошлый раз, но ты вернулся, чтобы умереть?"

"Великий хан, мы умоляем тебя пощадить нас! Пожалуйста, пощадите наших аав и эйж!"

"Я уже однажды отпустил тебя, как ты смеешь приходить ко мне снова? Твои родители

совершили тяжкие преступления, так что это служит им правом быть рабами! То же самое касается и остального твоего племени!"

"Нет, племя Минуо уже подчинилось ханскому правлению, когда ты был еще регентом, но хан не проявил к нам милосердия. Когда-то мы были великим племенем более двадцати тысяч, но нас убили там, где осталось менее четырех тысяч - наши старики, больные, женщины и дети. Наши отец и мать уже служат вам, так почему же хан продолжает преследовать нас?"

"Это то, чего ваш народ заслуживает!"

.....

Анари пересказывала все времена, когда племя Минуо препятствовало ее восхождению к власти.

Сцена была мертвой безмолвной, за исключением ссоры между ханом и двумя юными подростками.

Цинь Инин понятия не имела, что они говорят, потому что они говорили на Татарском языке, но она заметила, что Лу Хэн, похоже, понял.

"Ты знаешь татарский язык?" Цинь Инь прошептала.

Лу Хэн встретила её ярким взглядом и кивнула с улыбкой, затем прошептала краткое изложение их ссоры у неё на ухе.

Цинь Инь погрузилась в глубокое раздумье.

Народ татар отличался от Великого Чжоу тем, что большинство из них жили изнурительной жизнью кочевников. Несмотря на то, что они были объединены под властью хана, они были фрагментированной нацией, состоящей из нескольких племен.

Когда-то племя Минуо насчитывало двадцать тысяч человек, что делало его исключительно крупным Татарским племенем. Однако борьба за власть привела к тому, что рука Анари урезала это число нынешним четырем тысячам престарелых, уязвимых и нетрудоспособных.

Цинь Инь также прекрасно знал, что политический конфликт - это выживание самой сильной слабости, которая означала потерю жизни.

Несмотря на эти знания, ее сердце не затвердело полностью.

Наблюдая за тем, как драка разгорелась до того, как Анари вытащила хлыст, чтобы броситься на двух подростков, она не могла не высказаться. "Хан, это запланированная демонстрация твоего знаменитого гостеприимства для посторонних, таких как я?"

Все глаза повернулись к ней, когда она открыла рот. Когда она говорила на языке Великого Чжоу, большинство зрителей не понимали ее.

Однако, Анари поняла.

Она кружилась вокруг гневно и встретила тонкий насмешок в Цинь Инь, в противном случае безразличный взгляд, крича: "Что ты имеешь в виду?!".

"Я имею в виду именно то, что сказала. Хан очень свободно говорит на языке Великого Чжоу, так что, надеюсь, ты понимаешь".

Анари отказалась от своей склонности побить кнутом двух юношей и вместо этого повернулась топтать Цинь Иньна, дымя.

Обеспокоенный, Лу Хэн поставил себя между Анари и Цинь Инь. На татарском языке он сказал: "Ее Высочество высказалась в защиту хана. Нет необходимости принимать ее слова близко к сердцу. Убить кого-то - это всего лишь убрать его головы. Хан уже преследовал так много их народа и захватил в плен их родителей - зачем на глазах у толпы бить двух детей".

Хотя Цинь Иньн была благодарна за поддержку Лу Хэна, у нее не было привычки полагаться на других, чтобы закончить начатые бои. На языке Великого Чжоу она продолжила: "Хан - герой и вождь нации. У вас есть большое войско и многочисленные таланты на вашей стороне, но вы отказываетесь пощадить племя, которое уже поклонилось вам". Ты хочешь навредить двум сыновьям и невинным молодым людям - тебя не волнует, что другие считают тебя бессердечным?".

Анари впала в ярость и жестоко расколола свой кнут. "Кем ты себя возомнил?! Как ты смеешь тыкать пальцем в меня! Племя Минуо восстало и проиграло, поэтому они мои рабы, чтобы убить или порезать их, как мне угодно. С каких это пор мне нужно объясняться с такими, как ты?!"

"Как скажешь, как скажешь, можешь делать, что хочешь." Цинь Инь помахал рукой с воздухом, терпящим ребёнка, бросающего истерику, и вздохнул. "Однако, разве тебя не волнует сочувствие к такому, как ты? Посмотрите на своих подданных - вы уверены, что убийство слабых это единственный способ показать свою власть в качестве лидера нации?"

"Хан, я всегда считал тебя героем-женщиной с остроумием и методом. Тем не менее, теперь кажется, что вы не более, чем восходительница, ослепленная собственной силой". "Что вы сказали?! Кого ты называешь альпинисткой?!"

"А ты нет? Истинные правители с классом не выставляют напоказ маленькую власть, которой они обладают, и не демонстрируют свою власть за счет невинных. Ты уже хан, почему ты так быстро выпендриваешься? Ты смущаешься, прохаживаясь, как новые деньги, и хвастаешься их большой шпилькой, сделанной из трех золотых кошачьих. И все же, тебе не хватает настоящего богатства. Это только ранит твой образ, и я не вижу героизма, который ты хочешь проявить."

Каждое слово пронзило сердце Анари, как ножи. Щеки румянятся от унижения, Клэри сделала ход, чтобы использовать свой кнут, только для того, чтобы увидеть, как мирные жители, собранные вокруг, спокойно смотрят на нее. Слова Цинь-Инь снова прозвучали в ее голове - если бы она действительно отбила кнут, она бы только доказала, что принцесса права.

Именно в этот момент двое мольбящих подростков ускользнули в толпе, их движения, как ловкие, как пруд гольфы.

Медленно реагируя, стража вскрикнула в тревогу, прежде чем преследовать их.

Анари оглянулся назад и увидел, что они уже далеко убежали, а гнавшиеся за ними охранники сбили толпу с ног. Ее разочарование еще больше усилилось.

Цинь Инь покачала головой. "Чтобы отплатить хану за то, что он бесплатно принял нас, я предложу вам эти слова мудрости: "Правитель - это лодка, его народ - вода". Вода может нести лодку, но может и переверачивать ее. Таким образом, правители будут мудрыми, если будут осторожны, ибо именно это осознание сведет к нулю риск быть опрокинутым".

"Я рекомендую "Сюньцзы", чтобы хан читал в свободное время". Я уверен, что супруга хана поймет любые отрывки, которые ускользают от вас, и сможет объяснить их вам".

Она говорила с улыбкой, но в ее словах было напоминание - если бы Анари смогла проглотить свою гордость в малейшей степени, она бы поняла последствия Цинь Инь.

<http://tl.rulate.ru/book/13071/1020637>